

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Основная идея монографии Елены Викторовны Падучевой – это положение о необходимости включения в аппарат лингвистического описания особых правил, по которым модифицируются значения лексических единиц. Эти правила могут описывать как механизмы семантической деривации (выводимости производных значений из исходных), так и контекстные семантические сдвиги. Конечной целью подобных исследований является построение грамматики словаря¹, т.е. системы правил, описывающих организацию лексикона того или иного языка и обеспечивающих “дополнение словарных толкований продуктивными моделями их модификации под воздействием контекста” (с. 176)². Говорить о механизмах, а не просто о расширенных толкованиях в данном случае можно потому, что информация о способах взаимодействия лексемы с контекстом часто относится к целым семантическим классам слов. Механизмы такого рода отражают динамическую природу языка; они позволяют описывать поведение слова в условиях его реального употребления, равно как и его семантическое развитие в диахронии. Тем самым, в фокусе внимания оказывается многозначность (на синхронном срезе) и динамика лексической системы (в диахронной перспек-

тиве)³. Понимаемая таким образом грамматика словаря позволила бы представить образование новых значений на базе исходных как упорядоченный процесс, подчиняющийся определенным принципам. Кроме того, грамматика словаря предназначена выявить системные параметры организации лексики. Исследование строится в основном на материале русских глаголов. Однако в случаях, когда обсуждаемые явления лучше иллюстрируются с помощью лексических единиц иной категориальной принадлежности, привлекаются и другие части речи (ср. существительное *вина́* и наречия *давно* и *долго*, анализируемые в экскурсах 1 и 2).

Монография состоит из предисловия, четырех частей, заключения и трех приложений, снабжена предметным, именным и лексическим указателями. В первой части “Параметры лексического значения” вводятся и обосновываются основные понятия, на которых строится последующий анализ: таксономическая категория глагола, тематический класс, тематические и строевые компоненты семантики слова, диатеза (прямая и косвенная, с Наблюдателем и с внешним Посессором), диатетический сдвиг, таксономический класс участника в его связи с семантической ролью, акцентный статус компонента и коммуникативный ранг

¹ Термин “грамматика словаря” в несколько ином, но близком значении употреблялся еще в [Апресян 1967: 189–193].

² Ср. характерную для этой работы мысль: “Смысл слова в высказывании не исчерпывается толкованием – словарное толкование может пополняться за счет разного рода инференций из составных частей толкования; за счет контекста текста и ситуации; коммуникативных постулатов в стиле Грайса; возможно, чего-то еще” (с. 114).

³ Интересно, что подобное смещение акцентов в исследовании лексической семантики полностью соответствует тенденциям современной когнитивной лингвистики: “With the birth of cognitive semantics, new ideas from the field of theoretical semantics have found their way to the study of meaning changes, and that should not come as a surprise: since one of the major things cognitive semantics is interested in is polysemy – and polysemy is, roughly, the synchronic reflection of diachronic semantic change” [Geeraerts 1997: 6].

участника. Часть I заканчивается экскурсом “Семантика вины и смещение акцентов в толковании лексемы”, в котором на конкретном примере показывается, как смещение фокуса внимания порождает многозначность слова: ср. *вина* как ‘плохой поступок’ и как ‘состояние’. Здесь также вводится понятие базовых и инцидентных компонентов толкования. Под последними понимаются разного рода “проходные” семантические признаки – следствия каких-то базовых компонентов толкования, которые могут фокусироваться соответствующим контекстом.

Вторая часть “Многозначность и семантическая деривация” посвящена проблеме полисемии, которая нацелена на описание условий единства слова. В центре внимания здесь оказывается явление регулярной многозначности, а также основные механизмы семантической деривации: метафора и метонимия. В третьей части “Тематические классы глаголов: Исходное значение и семантические дериваты” содержится анализ глаголов различных тематических классов. Это фазовые глаголы, глаголы восприятия, знания, эмоции, принятия решения, речевых действий, движения, звука, бытийные глаголы. Причем, как видно из названия этой части, рассматриваются и производные значения этих глаголов, которые часто соотносятся с исходными значениями по определенным принципам: для каждого тематического класса могут быть выделены свойственные ему модели регулярной многозначности. Часть III – это центральный раздел монографии; в существенной степени она базируется на принципах представления семантики русского глагола в компьютерной базе данных “Лексикограф”. Разработанная в рамках программы “Лексикограф”⁴ идеология семантических представлений, ориентированных на механизмы образования производных значений, отразилась в монографиях [Кустова 2004; Розина 2005; Зализняк 2006]. Часть IV “Лексическое значение и грамматика” состоит из четырех глав, каждая из которых посвящена определенному грамматическому свойству глаголов, возводимому к особенностям его лексического значения. Эта часть заканчива-

ется экскурсом “Давно и долго: к вопросу о статальном компоненте в семантике совершенного вида”, в котором демонстрируется идея двойного фокуса, т.е. одновременного наличия в семантике слова двух потенциально выделенных компонентов, между которыми существует метонимическая связь. Особенно хочется отметить завершающие монографию приложения, составленные О.Н. Ляшевской: “Тематические классы и тематические компоненты”, “Семантические роли” и “Таксономические классы имен”, которые помогают читателю лучше разобраться в обсуждаемой проблематике, а также полезны и сами по себе, поскольку могут быть использованы в любом исследовании, ориентированном на описание принципов организации словаря.

Построение грамматики словаря – одна из наиболее актуальных задач современной лингвистики, решение которой предполагает, в частности, системные способы описания многозначности. За многозначностью в принципе стоит способность говорящих выводить производные значения, а не просто извлекать их из лексикона в готовом виде. Семантическая теория должна располагать инструментом для описания этой способности (ср. [Fillmore 1982; Herskovits 1986; Brugman, Lakoff 1988; Rice 1992; Pustejovsky 1991; Geeraerts 1993])⁵. Таким образом, книга Е.В. Падучевой (далее: Книга) вписана в современный теоретический контекст. Важно, что способы и допустимые границы семантического варьирования универсальны лишь в известной степени; в каких-то существенных аспектах они могут оказаться специфичными для каждого языка. Следовательно, работающая грамматика словаря может быть построена лишь при наличии солидной эмпирической базы. Это выгодно отличает рецензируемую книгу от ряда других исследований, посвященных решению подобных проблем. Так, широко известные параметры Дж. Пустейовского, претендующие на универсальность, на деле оказываются применимыми лишь к словам вполне определенных семантических классов. Это и неудивительно: широкие обобщения и глобальные теории редко выдерживают проверку на большом эмпирическом материале. Более полезными для описания языка и построения объясняющих моделей (о которых говорится в [Апресян

⁴ Представление семантики в базе данных заставляет искать форматы толкования слов и в этом смысле побуждает к формализации семантического описания. Кстати, единорог на обложке (знаменитый гобелен “Дама с единорогом”) – это, видимо, аллюзия на парадигмальный пример грамматики Монтегю, после которого единорог стал своего рода логотипом формализации в семантике.

⁵ Ср. характерное для данного направления исследований требование: “the explanatory power necessary for making generalizations and/or predictions about how words used in a novel way can be reconciled with their currently existing lexical definitions” (Pustejovsky 1993: 74).

1999]) оказываются теории более конкретного уровня; теории общего плана могут лишь обозначить основную перспективу того или иного исследовательского направления.

Сама идея наличия определенных связей между отдельными значениями слова не нова. Полисемия по определению требует наличия мотивирующих связей между лексемами одного слова; иначе слово распалось бы на омонимы. Новизна подхода Е.В. Падучевой заключается в демонстрации регулярности механизмов, ответственных за семантическую деривацию. Одни и те же способы образования производных значений повторяются в самых разных словах: “Модели деривации много, но все-таки не бесконечно много. И главное – они воспроизводимы: применимы ко многим разным словам, иногда к сотням и тысячам слов” (с. 14). Применительно к глагольной лексике выделяется ряд параметров, которые, с одной стороны, объединяют лексемы в большие классы, а с другой – обеспечивают регулярность семантической деривации, в том смысле, что варьирование каждого из этих параметров является типичным способом образования новых значений. Это

- таксономическая категория;
- тематический класс;
- актантная структура и диатеза;
- таксономический класс участника.

Остановимся на этих понятиях несколько подробнее.

Под таксономическими категориями (Т-категориями) понимаются такие онтологические классы, как действие (*открыть*), деятельность (*гулять*), процесс (*кипеть*), состояние (*голодать*), происшествие (*уронить*), свойство (*хромать*), соотношение (*совпадать*), предрасположение (*настораживать*). “Действие и деятельность – агентивные категории; остальные категории неагентивные” (с. 31). Семантическое варьирование часто состоит в мене Т-категории, что может сопровождаться меной таксономического класса участника или меной диатезы. Так, глагол *стучать* обозначает действие в предложении типа *человек стучит в окно* (субъект – лицо) и процесс в *дождь стучит в окно* (субъект – природная сила). А предложения типа *повар режет мясо ножом* и *нож хорошо режет* различаются Т-категорией глагола *резать* (действие vs. свойство) и диатезой (участники Агенс и Инструмент меняют свой ранг: Агенс уходит “за кадр”, а Инструмент из Периферии продвигается в позицию субъекта). Варьирование Т-категории создает категориальную парадигму, т.е. такую систему значений или режимов употребления слова, которая характерна для больших семантических классов и отличается

высокой степенью регулярности. Выделение Т-категории как отдельного параметра представляется весьма продуктивной идеей, так как позволяет описать аспектуальные и акциональные параметры глагола независимо от его тематического класса. Т-категории – это уточненная версия классов З. Вендлера⁶.

Тематический класс слова задается его вхождением в соответствующее семантическое поле (например, *резать* – это глагол физического действия, *просить* – глагол речи, *думать* – ментальный). Про тематический класс говорится, что это “формальный аналог семантического поля” (с. 43). Едва ли, однако, тематический класс – более формальное понятие, чем поле. Во всяком случае в Книге не обсуждаются формальные критерии отнесения лексемы к соответствующему тематическому классу, да и вряд ли такие критерии возможны в принципе. Единственный четкий критерий касается разграничения Т-категорий и тематических классов: первые задаются форматом толкования соответствующих глаголов, а последние – тематическим (т.е. выделенным: не тривиальным и не строевым, см. ниже) компонентом их значения.

Одна и та же лексема может относиться одновременно к двум и более тематическим классам (например, *убедить* – это глагол речи и воздействия на ментальное состояние). Это естественно, поскольку семантическая структура лексемы может содержать более одного выделенного, т.е. в каком-то смысле центрального компонента (ср. аналогичные наблюдения, сделанные нами при работе над тезаурусом русской идиоматики, где одна и та же идиома, взятая в каком-либо одном значении, может входить в более чем один таксон [Баранов, Добровольский (в печати)]). Невозможность строгого и однозначного разбиения лексического состава языка на тематические классы не следует рассматривать как недостаток этого параметра. Тематические классы (а значит, и семантические поля) не “разбивают” словарь на классы, а объединяют слова по определенным лингвистически значимым признакам (с. 42), причем это справедливо не только по отношению к глаголам, но и ко всем лексическим единицам независимо от их категориальной принадлежности.

Независимость тематического класса от таксономической категории может быть показана на примерах типа *видеть* vs. *смотреть*. Это явно глаголы одного тематического клас-

⁶ Большой вклад в изучение аспектуальных и акциональных свойств глаголов внесла в свое время Т.В. Булыгина.

са, но у них разные Т-категории: *видеть* – состояние, *смотреть* – деятельность. С другой стороны, глаголы *ударить* и *сварить* относятся к одной и той же Т-категории (это глаголы действия), но к разным тематическим классам: *ударить* – глагол физического воздействия, а *сварить* – глагол создания. Разведение этих категорий значимо не только для классификации глаголов и обнаружения регулярных механизмов семантической деривации, но и для системного описания лексики в целом, в частности для теоретической ономастологии и практической лексикографии. Так, большинство традиционных тезаурусов содержит немало непредсказуемых классификационных решений, сводимых к игнорированию различий между онтологическими категориями и семантическими полями. Между тем очевидно, что нельзя построить непротиворечивую классификацию лексики, в вершине которой будут находиться некие весьма абстрактные таксономические (иначе – онтологические) категории, а терминальные таксоны будут соответствовать семантическим полям, интуитивно ощущаемым как естественные группировки лексики. Например, чтобы сохранить единство таксона “трезвость” с такими идиомами, как *в рот не брать (спиртного)* и *ни в одном глазу*, нельзя вводить в систему идеографических классов категории типа ‘состояние’, ‘действие’, ‘свойство’, поскольку в *в рот не брать* характеризует постоянное свойство, а *ни в одном глазу* – актуальное состояние. Следовательно, если в вершину ономастологической классификации поставить Т-категории, то такие семантически близкие (в силу наличия идентичных тематических компонентов) идиомы, как *в рот не брать (спиртного)* и *ни в одном глазу* будут разведены по разным ветвям уже на первом шаге.

Хотя Т-категории и тематические классы противопоставляются как сущностно различные способы систематизации словаря, в некоторых случаях между ними наблюдаются определенные корреляции. Так, среди глаголов восприятия много моментальных, что соответствует моментальности реального восприятия (ср. *увидеть*, *услышать*), так что налицо корреляция между тематическим классом восприятия и категорией, которая в классификации Вендлера именуется “achievement”.

Распределение лексики по Т-категориям и тематическим классам дает некоторый остаток. Например, такие классы, как глаголы интерпретации и глаголы изменения состояния, “не являются ни категориальными, ни тематическими” (с. 45). Заметим, что мотивация этого решения остается для читателя не вполне прозрачной. Почему нельзя считать, например,

интерпретационные глаголы особым тематическим классом? То, что они в стандартном случае должны попадать еще в какой-то тематический класс (например, *обидеть* – это и глагол эмоции, точнее: каузации психического состояния, и глагол интерпретации) не является помехой, поскольку вхождение лексемы в два и более тематических класса – вполне нормальное явление⁷. В [Апресян 2004: 8] интерпретационные глаголы рассматриваются как лексико-семантический класс “фундаментальной классификации предикатов”, т.е. скорее как один из категориальных классов. По-видимому, в формате толкования системы “Лексикограф” смысловой компонент, конституирующий класс глаголов интерпретации, имеет (подобно оценочному компоненту) особый статус, что и определяет отдельное место этого класса в иерархии.

Нетривиальным компонентам, которые определяют принадлежность слов к семантическим полям, противопоставляются строевые компоненты – такие, как начинательность, каузация, отрицание, оценка, модальность. Эти компоненты входят в значение очень многих слов и не меняют принадлежности лексемы к соответствующему тематическому классу. Один и тот же смысловой компонент может быть в одних случаях строевым, а в других – тематическим. Так, ‘каузация’ попадает и в список тематических (с. 42) и в список строевых компонентов (с. 46). У глаголов типа *показать* компонент ‘каузация’ – строевой, а у *вызвать*, *заставить* этот компонент оказывается вершинным и выполняет функцию тематического. Каузатив *показать* относится в соответствующих значениях к тем же тематическим классам, что и исходный некаузативный глагол *видеть*: ‘восприятие’ и ‘знание/мнение’. Аналогично, ‘начинательность’ – строевой компонент в семантической структуре таких глаголов, как *заговорить*, но тематический – в глаголах типа *наступить*, *начаться*, *возникнуть*.

Из-за объективных трудностей при определении степени центральности компонента создается ощущение, что в ряде случаев границы тематического класса задаются до известной степени интуитивно (что, видимо, нельзя считать недостатком описания, поскольку трудно представить себе, как могли бы выглядеть строго операциональные критерии в этой области). Например, глагол *оскорбить* отнесен к

⁷ Интересно, что глаголы интерпретации помещены в Приложение 1 “Тематические классы и тематические компоненты” (с. 585). Значит ли это, что их все-таки следует считать особым тематическим классом?

эмотивам, хотя, как кажется, более акцентуированным компонентом в его значении является идея нанесения урона общественному лицу, статусу Пациенса (пусть даже это “потеря лица” лишь в собственных глазах), чем идея воздействия на его психическое состояние. Кроме того, на с. 276 говорится, что “оскорблять – это прежде всего говорить оскорбительные вещи”, т.е. получается, что это скорее глагол речи. С другой стороны, *оскорбить* тесно связан с *обидеть*, а *обидеть* – с *обидеться*. Поскольку *обидеться* – чистый эмотив, то (по принципу “семейного сходства”) разумно и *оскорбить* считать глаголом эмотии.

На мысли о неоднозначности вхождения слов в соответствующее поле наводит также пример глаголов *промахнуться* и *попасть в*, которые отнесены к одному тематическому классу и интерпретируются как отличающиеся друг от друга лишь на строевой компонент ‘отрицание’ (с. 46). Видимо, в данном случае это наиболее убедительное решение. Поскольку эти глаголы ассоциируются также с идеей успешности/неуспешности, встает вопрос, как следует в принципе структурировать это поле (хотя данная задача не ставится в Книге, сама по себе она вполне актуальна). Можно ли считать, что слова *успех* – *неудача*, *победа* – *поражение*, идиомы *как по маслу* – *со скрипом* отличаются друг от друга отрицанием? По-видимому, нет. Ср. также пары типа *любить* – *ненавидеть*. Понятно, что отсутствие победы – еще не поражение, а отсутствие любви – еще не ненависть. Иными словами, семантические различия в подобных парах не сводимы к строевым компонентам. Значит ли это, что их члены относятся к разным семантическим полям?

Принадлежность к тематическому классу (семантическому полю) – важный, но достаточно традиционный параметр классификации лексики. Принципиально новой является мысль о том, что этот параметр может использоваться для вскрытия и описания регулярных механизмов семантической деривации. Например, глаголы звука достаточно регулярно образуют значение движения (*танки грохотали по улице*; *за окном проскрипела телега* / *протарахтел автомобиль*; *над ухом просвистела пуля*). Таким образом, мена тематического класса – один из механизмов порождения регулярной многозначности.

Актантная структура глагола и диатеза (соответствие между семантическими ролями участников и их синтаксическими позициями) трактуются в Книге с опорой на понятие коммуникативного ранга участника ситуации. Важным открытием представляется ввод в описание нулевого ранга – коммуникативной позиции За кадром. Например, *выбить*

ковер отличается от *выбить пыль из ковра* тем, что актант *пыль* в результате диатетического сдвига уходит за кадр, оставаясь при этом участником ситуации (ср. обсуждение этого и многих других примеров такого рода в [Апресян 1995: 103–104]).

Понятие нулевого ранга позволяет рассматривать Наблюдателя как одного из участников ситуации, входящих в актантную структуру: Наблюдатель – это Эксперидент в позиции За кадром (с. 533). Ср. *охотник обнаружил следы* (*охотник* – Эксперидент) и *Берлиоз обнаружил незаурядную эрудицию* (Наблюдатель За кадром). Полисемия глагола *обнаружить* основана на диатетическом сдвиге и перераспределении коммуникативных ролей. Этот же механизм управляет лексической деривацией; ср., например, глаголы *обнаружить* и *обнаружиться*. Так, предложение на *опушке обнаружили следы медведя* отличается от предложения *охотник обнаружил на опушке следы медведя* тем, что Эксперидент *охотник* покинул субъектную позицию и ушел за кадр, превратившись в Наблюдателя. Как видно из этих примеров, диатетический сдвиг связан с изменением фокуса внимания и имеет метонимическую основу (ср. похожие идеи в [Dowty 2000]).

Таксономический класс участника также играет существенную роль в семантике глагольной лексемы. Этот параметр, в частности, позволяет найти семантическое объяснение сочетаемостному поведению квазисинонимов. Почему, например, можно сказать *начался дождь*, но не **началась тишина* или **началась смерть*; *наступила тишина*, *наступила смерть*, но не **наступил дождь*? Выбор глагола зависит от таксономического класса участника: *наступает* состояние или событие, а *начинается* всегда процесс. Изменение таксономического класса участника достаточно регулярно приводит к изменению значения глагола и тем самым порождает полисемию. Например, *звенеть* в *звонит звонок* имеет другое значение, чем в *звенят цикады* потому, что *звонок* и *цикады* относятся к разным таксономическим классам. Выделение различных значений в подобных случаях необходимо и оправдано с точки зрения экономности лингвистического описания. Так, у глагола *звенеть* в приведенных примерах разные дериваты: *прозвенел звонок*, но не **прозвенели цикады* (с. 81).

Среди таксономических классов имен выделяются такие, как вещество, вместилище, материал, изображение, болезнь, воля, голос, источник звука, напиток, мероприятие, поступок, часть тела, продукт, транспортное средство, учреждение. Возникает терминологический вопрос: почему эти категории называются

таксономическими, а не тематическими классами? Кажется, что они ближе по духу к тематическим классам глаголов (таким, как звук, деформация, контакт, движение, направленное перемещение, разум, поведение, речевой жест, ущерб, уничтожение), чем к Т-категориям типа действие, состояние, процесс.

Книга Е.В. Падучевой настолько богата идеями и материалом, что дать ее краткий обзор представляется крайне затруднительным. Очевидно, поэтому моя рецензия получилась столь нетрадиционной. В нарушение законов жанра я начал не с последовательного изложения содержания монографии, ограничившись лишь обзором ее структуры, а с освещения комплекса понятий и исследовательских эвристик, показавшегося мне наиболее значимым и оригинальным. В дальнейшем я кратко остановлюсь на тех понятиях и проблемах, которые относятся к центральным и/или заинтересовали меня больше всего в силу моих исследовательских предпочтений.

Одним из важнейших понятий, обсуждаемых в Книге, является понятие *акцентного статуса*. За этим понятием стоит представление о том, что различные компоненты семантической структуры лексической единицы, подобно элементам высказывания, неравноценны в коммуникативном плане. Акцентный статус – обобщающее понятие для целого ряда разнородных противопоставлений, таких как пресуппозиция – ассерция, шкала коммуникативных рангов участников ситуации, противопоставление выделенных (находящихся в фокусе внимания) компонентов компонентам невыделенным, противопоставление базовых, “ординарных” семантических признаков слабым, неустойчивым, “инцидентным” компонентам, разного рода имплицатурам и импликациям, которые могут порождаться и блокироваться контекстом. Соответственно, изменение акцентного статуса того или иного компонента – акцентный сдвиг – оказывается универсальным средством порождения многозначности. Понятие акцентного сдвига позволяет не только выявить один из важнейших механизмов развития у слова производных значений, но и объяснить семантические различия между более или менее близкими синонимами, а также семантические соотношения в видовых парах. Так, в перфектной паре *огорчить* – *огорчать* видовое противопоставление сводится к сдвигу фокуса внимания. “В толковании СВ и НСВ фигурируют одни и те же компоненты, меняется только их акцентный статус: у глагола НСВ акцент на стательном компоненте, а у СВ акцент переменный” (с. 277).

Идея акцентного выделения, профилированности отдельных семантических признаков

в противопоставлении другим (см. прежде всего работы Л. Талми, например [Talmy 1993; 2000]) представляется весьма продуктивной и для сопоставительной лингвистики. Например, русскому глаголу *обидеть* в немецком языке соответствуют два слова: *beleiden* и *kränken*. Семантические различия между этими немецкими глаголами, с одной стороны, и русским глаголом *обидеть* – с другой, так же, как и различия между *beleiden* и *kränken* в немецком языке плохо поддаются описанию в терминах набора семантических компонентов. Анализ употребления этих глаголов в корпусах текстов [Dobrovolskij (im Druck)] позволяет предположить, что различия между ними в основном сводятся к акцентному статусу отдельных семантических признаков. В *обидеть*, в отличие от *оскорбить*⁸, менее акцентуирован признак агентивности (ср. декаузатив *обидеться* и существенно менее частотный дериват *оскорбиться*) и признак нанесения урона статусу Пациенса/Эксперимента⁹. В фокусе находится компонент ‘каузация негативного эмоционального состояния’ Пациенса/Эксперимента, а прототипическая причина – “недостаток внимания”, т.е. “message of indifference” по Вежицкой (о концепте ОБИДА см. [Зализняк 2000]).

Немецкий глагол *beleiden*, традиционно характеризуемый как полный эквивалент глагола *обидеть*, отличается от него прежде всего тем, что он в существенно большей степени агентивен (образование декаузативов, подобных *обидеться*, невозможно ни от *beleiden*, ни от *kränken*), а оба нетривиальных компонента ‘нанесение урона статусу’ и ‘каузация негативного эмоционального состояния’ вне контекста равноценны в смысле акцентного выделения. В зависимости от контекстных условий в фокус может попасть то первый (и тогда *beleiden* скорее оказывается эквивалентным русскому *оскорбить*), то второй из названных компонентов. У *beleiden* есть как бы два фокуса (идея двойного фокуса в семантической структуре слова обсуждается в Книге на с. 524). Причина обиды у *beleiden* вообще не специфицирована.

⁸ Ср. малоинформативные толкования соответствующих значений этих глаголов в МАС: *обидеть* “причинить, нанести обиду кому-л.”; *оскорбить* “крайне обидеть”, так что можно подумать, что семантические различия между ними сводятся к степени интенсивности нанесенной обиды.

⁹ Один участник может иметь более одной роли (с. 281). Так, Эксперимент может быть одновременно и Пациентом.

В структуре значения глагола *kränken*, в отличие от *beleidigen*, фокус один – он падает на “эмоциональный” компонент. В этом смысле *kränken* ближе русскому *обидеть*, чем *beleidigen*. Однако, в отличие от *обидеть*, у *kränken* несколько сильнее акцентуирована идея наличия внешнего Каузатора. В декаузативе от *обидеть* внешний Каузатор может полностью устраниваться, т.е. человек может сам не осознавать причины своей обиды, а у *kränken* всегда есть причина, за которой стоит (чаще всего в позиции субъекта) Агенса. Даже в контекстах, где Каузатор не в фокусе, он присутствует на периферии ситуации. Кроме того, *kränken* – достаточно редкий глагол, находящийся скорее на периферии лексической системы, а *обидеть* – глагол центральный. В этом смысле они тоже обнаруживают различия в акцентном статусе, только уже на уровне лексической системы языка в целом.

Как уже было сказано, одна из центральных тем Книги – полисемия. Главная задача, которая ставится в связи с этим – описать структуру многозначного слова так, чтобы сохранить его семантическое единство. Эта задача отнюдь не столь проста. В описании полисемии выделяются два диаметрально противоположных подхода, которые в [Pustejovsky 1996] названы мономорфной и полиморфной моделями (*monomorphic model vs. polymorphic model*). Мономорфная модель исходит из аксиомы о существовании изолированных, жестко фиксированных значений (ср. место полисемии в Грамматике Монтегю). Полиморфная модель отказывается от самой идеи наличия у слова фиксированных значений и рассматривает многозначность как чисто прагматический феномен (ср. [Nunberg 1978; Searle 1979]). Оба способа описания полисемии оказываются неприемлемыми с точки зрения здравого смысла. Описание полисемии должно оставлять место как для лексикализованных семем, отличающихся друг от друга по ряду лингвистически значимых признаков, так и для семантической вариативности. Именно такой подход (*weak polymorphic model*, по Пустейовскому [Pustejovsky 1996]) лежит в основе теории многозначности, предлагаемой в Книге.

В центре внимания автора находится регулярная полисемия, т.е. “комбинация значений многозначного слова, которая повторяется во многих или во всех словах определенного семантического класса” [Апресян 1993: 10]. Правда, иногда создается впечатление, что регулярная многозначность понимается в Книге слишком широко. Ср. положение о том, что “любая многозначность как-то регулярна”. Это верно, если понимать под регулярной полисемией семантическую деривацию на основе

системных преобразований типа мены Т-категории, диатезы и пр. Любое производное значение так или иначе выводимо из исходного. В этом смысле можно говорить о семантической деривации. Механизмы деривации – это понимаемые широко метафора, метонимия, семантическое “выветривание”. Следовательно, в стандартном случае значения многозначного слова связаны между собой системными, т.е. повторяющимися отношениями. Однако не все, что выводится из исходного значения с помощью системных преобразований, оказывается регулярным в устоявшемся смысле термина “регулярная многозначность”, т.е. характерным для всего семантического класса (хотя бы и с отдельными исключениями). Здесь я буду обсуждать только те случаи, где имеет место регулярная многозначность “в узком смысле”.

Наиболее важными для дальнейших исследований в этой области представляются следующие две мысли, высказанные Е.В. Падучевой в связи с определением статуса правил, описывающих механизмы семантической деривации, результатом действия которых является регулярная многозначность. Во-первых, введение в семантическое представление подобных правил, позволяющих выявлять парадигматические связи между отдельными значениями многозначного слова, “не означает отмены соответствующих словарных статей” (с. 16). Действительно, способность слов определенного семантического класса образовывать значения по некоторому единому для этого класса принципу – это потенциал, заложенный в системе языка (и до известной степени, видимо, в системе стоящих за языковыми выражениями концептуальных структур). Как таковой этот потенциал может быть описан. Наличие подобных потенциалов не означает, однако, что все члены определенного семантического класса должны обнаруживать параллельную полисемию и что каждое отдельно взятое производное значение может быть выведено из исходного по некоторым продуктивным правилам, не знающим исключений. Иными словами, “правила” семантической деривации помогают систематизировать представление семантической структуры многозначного слова, но не позволяют предсказать наличие того или иного значения у каждого конкретного слова¹⁰. Отсюда следует, что все значения многозначного слова должны фиксироваться в словаре. Независимо от того, можно ли найти семантические объяснения для отсутствия того или

¹⁰ Ср. различие между регулярной и продуктивной полисемией, проводимое в [Апресян 1995].

иного потенциально возможного значения у некоторого слова или же подобная асимметрия объясняется лишь “капризами узуса”, сам факт наличия лакун в парадигмах регулярной многозначности требует словарной фиксации каждого отдельного значения.

Во-вторых, та или иная парадигма регулярной многозначности может иметь место лишь в каком-то одном языке. Если ранее предполагалось, что модели семантической деривации должны быть квазиуниверсальны [Nunberg, Zaenen 1992], поскольку они основываются на достаточно общих когнитивных механизмах, в Книге было показано, что существуют парадигмы регулярной многозначности, характерные для одного языка и отсутствующие в другом. Там, где, например, английский язык для образования парадигматически связанных друг с другом лексем использует механизмы семантической деривации, русский язык прибегает к словообразовательным средствам. “Таким образом, потенциал семантического развития, скорее всего, в существенной степени универсален, но граница между семантической и лексической деривацией часто проходит лингвоспецифично” (с. 154).

Из этих двух идей выводится ряд положений, значимых для сопоставительных исследований. Асимметричное устройство парадигм регулярной многозначности, их неуниверсальность и зависимость от разнообразных – в том числе и чисто узуальных – факторов проявляется особенно наглядно при сопоставлении разных языков. Даже то, что представляется регулярным и как бы само собой разумеющимся в рамках одного языка, оказывается нетривиальным и не вполне регулярным при сопоставлении с аналогичным явлением другого языка. Это положение имеет и чисто лексикографические следствия. В двуязычном словаре часто необходима более дробная разбивка структуры словарной статьи на значения, так как межязыковые несовпадения могут проявляться внутри одной отдельно взятой лексемы.

Итак, с одной стороны, при сопоставлении моделей регулярной многозначности в разных языках мы имеем дело с отдельными несовпадениями в конкретной реализации аналогичного принципа семантической деривации. С другой стороны, встречаются случаи наличия в том или ином языке неких уникальных (точнее: специфических для данного языка с точки зрения другого языка) моделей регулярной многозначности. Иными словами, в языке L1 выделяются семантические классы с парадигмой регулярной многозначности P1, которая полностью отсутствует в языке L2, где соответствующие семантические классы либо вообще не характеризуются регулярной много-

значностью, либо реализуют парадигму P2, принципиально отличающуюся от P1. Так, на с. 153 обсуждается пример из [Levin, Rappaport Novav 1995]. Парадигма семантической деривации для английских глаголов положения в пространстве (*stand, lie, sit, hang*) включает четыре значения:

- 1) агентивное значение сохранения положения
- 2) агентивное значение принятия положения – инхоативное
- 3) значение пассивного положения в пространстве
- 4) агентивное значение каузации положения в пространстве

Из этих четырех значений коррелирующие русские глаголы *стоять, лежать, сидеть, висеть* имеют только два: первое и третье. Для второго – инхоативного – значения используются глаголы *встать, лечь, сесть, повиснуть*, а для четвертого, каузативного – глаголы *поставить, положить, посадить, повесить*.

Подобные случаи представляются значимыми с точки зрения лингвистической типологии. Со времен выхода в свет работ С. Ульмана считается общезвестным фактом, что типологическое исследование языков может строиться не только на основе морфологических и синтаксических критериев, но и на основе лексико-семантических параметров, то есть на основе способов организации семантической информации в лексической системе языка. Модели регулярной полисемии оказываются одним из таких параметров.

Допустимые объемы рецензии позволили обсудить лишь небольшую часть всех тех вопросов, которые затрагиваются в Книге. За пределами обсуждения остались столь интересные проблемы, как критерии разграничения актантов и сирконстантов, семантика конструкций (анализируемая в Книге на примере генитивной конструкции) и соотношение этой проблематики с идеями Грамматики Конструкций Ч. Филлмора, семантический статус адвербиалов, внутренняя форма лексических единиц как фактор, объясняющий особенности их употребления, степень мотивированности лексических функций, понятие снятой утвердительности и его соотношение с понятием отрицательной поляризованности.

Остается лишь еще раз подчеркнуть, что монография Е.В. Падучевой – интересная, богатая идеями и материалом книга, провоцирующая дискуссии и помогающая найти нетривиальные решения целого ряда семантических задач, что она написана прекрасным языком, содержит много убедительных примеров, очень хорошо издана, удивительно тщательно вычитана (хотя я все-таки нашел несколько

опечаток: на с. 59, 195 (в литовском *peržiūrėti*), а также на с. 253 и 360; на с. 467 вместо “перфектным” надо, видимо, читать “нереферентным”). И еще один (может быть, не центральный для содержания рецензируемой монографии, но очень приятный) момент: в Книге много тщательно подобранных, содержательно уместных эпиграфов. Особенно радует эпиграф из Гоголя на с. 483, который хочется предпослать чуть ли не всем работам по лексической семантике, по крайней мере исследованиям “интересных” слов. Этим эпиграфом (как некой квинтэссенцией размышлений над трудностями лексикологической и лексикографической работы) я и хотел бы закончить рецензию: “...слова, которые иной раз черт знает что и значат”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1967 – Ю.Д. *Апресян*. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1993 – Ю.Д. *Апресян*. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря // Новый большой англо-русский словарь. Т. I. М., 1993.
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.
- Апресян 1999 – Ю.Д. *Апресян*. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // ИАН СЛЯ. № 4. 1999.
- Апресян 2004 – Ю.Д. *Апресян*. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. № 1. 2004.
- Баранов, Добровольский (в печати) – А.Н. *Баранов*, Д.О. *Добровольский*. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М. (в печати).
- Зализняк 2000 – Анна А. *Зализняк*. О семантике щепетильности (*обидно, совестно и неудобно* на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. М., 2000.
- Зализняк 2006 – Анна А. *Зализняк*. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Кустова 2004 – Г.И. *Кустова*. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Розина 2005 – Р.И. *Розина*. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М., 2005.
- Brugman, Lakoff 1988 – С. *Brugman*, G. *Lakoff*. Cognitive topology and lexical networks // S. Small, G. Cotrell, M. Tannenhaus (eds.): Lexical ambiguity resolution. Palo Alto, 1988.
- Dobrovol'skij (im Druck) – D. *Dobrovol'skij*. Zur kontrastiven Analyse kulturspezifischer Konzepte // Wörter – Verbindungen. Festschrift für Jarmo Korhonen / Hrsg. von U. Breuer und I. Hyvärinen. Frankfurt-am-Main (im Druck).
- Dowty 2000 – D.R. *Dowty*. ‘The Garden swarms with bees’ and the fallacy of “Argument alternation” // Y. Ravin, C. Leacock (eds.). Polysemy: theoretical and computational approaches. Oxford, 2000.
- Fillmore 1982 – Ch.J. *Fillmore*. Frame semantics // Linguistics in the morning calm / Ed. by the Linguistic society of Korea. Seoul, 1982.
- Geeraerts 1993 – D. *Geeraerts*. Vagueness's puzzles, polysemy's vagaries // Cognitive linguistics 4–3, 1993.
- Geeraerts 1997 – D. *Geeraerts*. Diachronic prototype semantics. A contribution to historical lexicology. Oxford, 1997.
- Herskovits 1986 – A. *Herskovits*. Language and spatial cognition. Cambridge, 1986.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 – B. *Levin*, M. *Rappaport Hovav*. Unaccusativity: at the syntax-lexical semantics interface. Cambridge (Mass.), 1995.
- Nunberg 1978 – G. *Nunberg*. The pragmatics of reference. Bloomington, 1978.
- Nunberg, Zaenen 1992 – G. *Nunberg*, A. *Zaenen*. Systematic polysemy in lexicology and lexicography // H. Tommola et al. (eds.). Proceedings of Euralex II. Tampere, 1992.
- Pustejovsky 1991 – J. *Pustejovsky*. The syntax of event structure // Cognition 41, 1991.
- Pustejovsky 1993 – J. *Pustejovsky*. Type coercion and lexical selection // J. Pustejovsky (ed.). Semantics and the lexicon. Dordrecht; Boston; London, 1993.
- Pustejovsky 1996 – J. *Pustejovsky*. The generative lexicon. Cambridge (Mass.); London, 1996.
- Rice 1992 – S. *Rice*. Polysemy and lexical representation: the case of three English prepositions // Proceedings of the 14th Annual conference of the Cognitive science society. Hillsdale, 1992.
- Searle 1979 – J.R. *Searle*. Expression and meaning. Cambridge, 1979.
- Talmy 1993 – L. *Talmy*. The windowing of attention in language. Paper presented at the Third International Cognitive linguistics conference, Leuven, 18–23 July 1993. (manuscript).
- Talmy 2000 – L. *Talmy*. Toward a cognitive semantics. V. 2. Concept structuring systems. Cambridge (Mass.); London, 2000.

Д.О. Добровольский